

Все ему улыбалось. Жизнь встрѣчала его съ любовью. Какъ сладко жить, когда надежды осуществляются!

И онъ уснулъ въ упоеніи и рано проснулся, чтобы прогуляться пѣшкомъ по Булонскому лѣсу, прежде нежели идти на свиданіе.

Вѣтеръ переимѣнился за ночь и сталъ теплѣе; солнце грѣло какъ въ апрѣлѣ. Всѣ привычные посѣтители лѣса вышли погулять, отвѣчая на призывъ яснаго и теплаго неба.

Дюруа медленно шелъ, упиваясь душистымъ, какъ весной, мягкимъ воздухомъ. Онъ миновалъ триумфальную арку и повернулъ въ большую аллею напротивъ дороги, предоставленной всадникамъ. Онъ глядѣлъ, какъ мужчины и женщины, богатые міра сего, проѣзжали мимо него рысью, галопомъ и почти имъ не заведовалъ. Онъ всѣхъ почти зналъ по именамъ, зналъ, какъ велико ихъ состояніе, зналъ закулисную сторону ихъ жизни, такъ какъ благодаря своему ремеслу превратился какъ бы въ родъ альманаха парижскихъ знаменитостей и скандаловъ.

Амазонки проѣзжали, затянутыя въ темное сукно, обрисовывавшее ихъ формы и съ тѣмъ надменнымъ и неприступнымъ видомъ, какой многія женщины представляютъ верхомъ на лошади. И Дюруа забавлялся, вполголоса произнося, точно эктенью въ церкви, имена, титулы и отличительныя черты любовниковъ, которыхъ имъ приписывали справедливо или несправедливо.

Но иногда вмѣсто того, чтобы говорить:

Графъ Анри де-Кревлякъ,

Баронъ де-Ганкеленъ,

Сэръ Джонъ Гаррикъ,

Князь де-Латуръ-Антеракъ,

Онъ бормоталъ:

Люси де-Камакъ,

Графиня де-Бдонебенъ,

Луиза Мишо изъ Водевиля,

Роза Маркетенъ изъ Оперы.

Эта игра очень его забавляла: онъ какъ будто констатировалъ подъ строгой внѣшностью вѣчную и глубокую низость человека, и это его веселило, возбуждало, радовало.

Затѣмъ онъ вслухъ сказалъ:

— Лицемеры вы эдакіе!

И сталъ искать взглядомъ всадниковъ, о которыхъ ходили самые скверные слухи.

Онъ видѣлъ многихъ, которыхъ подозрѣвали въ шулерствѣ и